

Глава 31. Свет в собственном окне.

Зажигаются тёплые жёлтые огни, над трубами курятся мирные вечерние дымы. Вот ввалился отец семейства с мороза, весь в инее. Стучит промёрзшими валенками. Бегут детишки к нему, мать собирает на стол. Пахнет свежим хлебом, печным дымком...

Аласов шёл пустынной деревенской улицей, поглядывая на окошки и пытаясь угадать, что там происходит в эту минуту, за морозными стёклами.

Падал медленный снег. Он шагал и шагал сквозь этот снег — наверно, дважды обошёл деревню, потому что стало уже повторяться: сани с бочкой, обросшей льдом, покосившийся шест на крыше, рукастая тень в ярком окне магазинчика...

Шагал и шагал, а чего? Почему домой не шёл, где столько дел, — и сам не знал.

Вспоминались какие-то подробности визита Кылбанова, но это было столь мерзко, что Аласов тут же поспешил отогнать их, — когда вокруг мирный снег и тёплые огни в окнах, в этот добрый мир нельзя пускать кылбановых.

Вот ведь человек, умудрился поссорить его даже с матерью. Третий день баба Дарья не разговаривает. Чтобы гостя выкидывать на мороз? Позор на всю Якутию! Какой ни дурной человек, а гость — всегда гость... Эх, мать, знала бы, с какими дарами приходил этот гостюшка!

Сил нет, пустота во всём теле. Руки крепкие, и ноги ходят исправно, и голова в порядке, но всё через силу. Мысль эта — и она через силу. И скрип собственных шагов — будто из-под воды.

У дома Майи постоял минуту — окна закрыты ставнями, пробивается полоска света. Там у неё оранжевый абажур с висюльками, с витыми такими шнулочками. Долго ещё будет помниться всё до мелочей: абажур, висюльки...

После того как прогнала его, дальше всё шло обычной обычного: поскольку работают рядом, встречаются ежедневно, нет-нет да и перекинутся парой слов, иногда даже пошутят. Всё как положено. Только всё это — уже за чертой.

Спи, Майка. Спокойных снов тебе, отдыхай. Как у неё дрожали губы тогда! Пришёл с объяснением, жених, ввалился... Э, да ладно!

Вчера после уроков его остановил Пестряков:

«Сергей Эргисович, вы ещё не изменили своего решения насчёт Бордуолаха?»

«Нет».

«Напрасно. Я бы очень советовал вам взвесить всё».

«Я всё взвесил».

«Всё ли? Обстоятельства могут и меняться...»

«Не вижу оснований».

«Не видите?» — он расстегнул портфель и извлёк из него голубую тетрадь. Похоже, эта тетрадь у них вроде эстафетной палочки: один на ходу передаёт другому.

«Послушайте, Аласов, нужно быть реалистом. Если сведения, содержащиеся в тетрадке, станут достоянием вышестоящих органов»...

«Ваши советы я выслушал. Позвольте и мне дать вам совет. Верните дневник, у кого взяли. Уж вы-то понимаете, как непорядочно это».

«Аласов толкует о морали! Забавно... Впрочем, пререкаться с вами не собираюсь. Едете подобру в Бордуолах?»

«Нет».

Так вот и поговорили — завуч с учителем...

Дичь, дурной сон — дожить до таких разговоров!

Избы, избы... Знакомое учительское общежитие. Крайнее окно — Стёпы Хастаевой. А это — Левина. От настольной лампы зелёная занавеска, смутные тени ходят по её складкам. Как ты там, старый? Я-то что, я выдержу!

Вчера от него записка — принесла запыхавшаяся Акулина. Пришла, озираясь по сторонам, — боялась, не обнаружили бы её преступления медики. Всеволоду Николаевичу запрещена всякая связь с внешним миром. Поводя глазами, Акулина то и дело повторяла чьи-то чужие слова: «Ограждать Всеволода от всякого беспокойства».

Бедный мой старик. Видно, совсем худо ему.

Чёрт возьми, надо же так поворотиться жизни! С матерью поссорился из-за Кылбанова. С Майей — конец, навсегда. Наглухо закрыт доступ к Левину. Жил человек среди людей, да вдруг остался один. Известно, как поступит в этом случае герой в кино: придёт домой, упадёт плашмя на холостяцкую постель.

Шутки шутками, а что-то и в этом есть. Рано или поздно со всяким случается, когда нужно пройти не просто огни и медные трубы, а много больше — одиночество. Что же, раз нужно — пройдем.

«Серёжа, дорогой, — писал Левин в записке, — хочу рассказать твоим следопытам ещё одну боевую штуку. Как только встану на ноги, поедем на место действия — возьмём лошадь с санями, шубы и махнём! Мы с тобой, Серёжа, ещё попылим по земле и ещё наделаем всяческих дел. И вообще — выше нос!»

Снег пошёл гуще, стало переметать дорогу — погода портилась на глазах. Аласов решительно повернул к дому: хватит прогулок, надо готовиться к завтрашним урокам. Пока ты ещё учитель.

Вот у завуча Пестрякова, например, темно уже — завершил человек дневные дела и с чистой совестью отошёл ко сну. А у кого совесть нечиста, тот знай себе бродит, подсчитывает свои прегрешения.

Как снег повалил, как закрутило! Метелица настоящая, откуда и взялась! Слава богу, уже дома.

Но погоди-ка, откуда у меня свет в окне? Мать уже спит... Аласов едва удержался, чтобы не заглянуть меж ставен в своё окно. Кто и зачем?

В его комнате, у стола, не раздевшись, сидела Надежда Пестрякова.

Она не встала навстречу, лишь скорбно глянула на него:

— Вот я... пришла...

Она выкрала у мужа голубую тетрадку и прибежала к Аласову. Баба Дарья открыла ей, ни слова не промолвила, только показала рукой на его комнату.

Долго ли прождала его или недолго, вечер был за окном или уже ночь — Надежда потеряла всякое представление. Кажется, она даже задремала, облокотись на стол, а подняв голову, увидела Сергея перед собой — в полушубке, в снегу с головы до ног.

Сколько раз в мечтах ей представлялось: будет поздний вечер, метель за окном. А они вдвоём... Но потому как раз, что был действительно вечер и они оказались вдвоём в его комнате, — именно поэтому, задушив в себе мысль о несбыточном, она поспешила заговорить о деле. Только по делу пришла она сюда: принесла ему злополучный дневник.

— Сергей, — сказала она, прижав кулаки к груди и немного подавшись вперёд. — Я украла эту тетрадь. Тут твоё несчастье. Муж вместе с Кылбановым решили написать на тебя ужасное заявление. Там много всякого, но главное — эта тетрадь... В ней... Ты сам ведь знаешь... любовная связь с ученицей...

— Сама читала?

— Читала.

— И что же, там подтверждается моя... связь?

— Н-нет, не подтверждается. Формально... Но разве посмотрят на это? Им нужен повод. Есть места, которые если прочесть придирчиво... Но без тетради их писания ничего не стоят!

— Однако Тимир Иванович всё равно узнает, куда девалась тетрадь?

— Да, узнает! И пусть...

Аласов взял со стола дневник и, не раскрывая, протянул его назад:

— Нет, Надя. Верните тетрадь. Только не мужу, а законной владелице... Чёрт знает, сотворить такое с девушкой!

— Но ты... Но вы ведь даже не прочли!

— И не буду. Не для меня писано.

— Но я вам её принесла! Вам, слышите, Аласов, — Надежда с упорством стала совать ему тетрадь в руки. — Защищайте вас! Спасая вас!

— Дорогая Надежда Алгысовна, не меня надо спасать. Вы о девушке подумайте.

— И... не возьмёте?

— Не возьму, Надежда Алгысовна. Верните её Габышевой.

Что же это было? — спрашивала она себя, шагая сквозь метель, увертываясь от хлесткого ветра. Ради чего она пошла на самое страшное — обокрала мужа? Хотела продать тетрадь подороже — за любовь? Не сторговались? Оттолкнул, хотя не может не понимать, перед какой пропастью она сейчас стоит. Он же умный, он не может этого не понимать. Побрезговал. Словечка благодарности не сказал. Кинул небрежно: отнесите туда-то. Что она, рассыльная ему! Только и осталось ей в жизни — оказывать услуги каким-то шалым девчонкам, которые изливаются в дневниках: «О, сокол мой! О, мой герой!» Не надо тебя защищать? Что ж, пропадай пропадом! И будь проклят, нет моих сил больше! Я уже через всё прошла.

Дома её ждал погром: вся квартира вверх дном. Дети испуганно жались в углу. Тимир — в одном исподнем, всклокоченный — метался из угла в угол.

— Надюшка, тетрадь... Не видала голубой такой тетради? Всё обыскал...

Надежда молча вынула тетрадь из кармана и швырнула её на стол.

— Она! — не поверил глазам Пестряков. — Но откуда? Зачем ты её брала? Куда носила?

— К Аласову, — спокойно сказала Надежда.

— Зачем? Зачем к Аласову, я спрашиваю! О-отвечай! — Он был смешон и страшен: подслеповатые без очков глаза и волосы дыбом. — Зачем носила?

— Хотела, чтобы не было её у тебя. Хотела, чтобы она у Аласова была.

— А он? А он что?! А он что, тебя спрашиваю?!

Надежда вышла в спальню и плотно прикрыла за собой дверь.